

Ленинградская печать в годы большого перелома: хроника цензурных репрессий 1937 года.

По донесениям Леноблгорлита в Особый отдел
Ленинградского обкома ВКП(б)

А. В. Блюм

Роман Гуль в статье «Писатель и цензура в СССР», опубликованной в парижских «Современных записках» в 1938 году, писал: «Немыслимо перечислить всех писателей, уничтоженных диктатурой. Об этом надо написать книгу, но только тогда, когда вскроются все архивы КГБ, Отдела Пропаганды, Главлита. И это будет одна из самых страшных книг»¹. Казалось бы, в наши дни не осталось никаких препятствий для создания такой книги, но это вовсе не так просто, как может показаться на первый взгляд. Основная причина: недоступность и засекреченность многих архивных документов советской цензуры. В каком-то смысле даже архивы тайной политической полиции представляют меньшую тайну, хотя, конечно, многое до сих пор остается за семью печатями. Очевидно, механизм убиения мысли, запечатленной в слове, представляет еще большую государственную тайну, чем физическое истребление людей.

Тем не менее до конца сохранить тайну никогда не удастся... Так, автору этих строк при фронтальном обследовании архивного фонда так называемого «Особого отдела» Ленинградского обкома ВКП(б) за 1930-е годы удалось обнаружить множество секретных цензурных документов. Именно в этот отдел доставлялись донесения органов НКВД/КГБ, а также, что представляет особый интерес, ежедекадные «Сводки важнейших вычерков и конфискации, произведенных Леноблгорлитом», снабженные обязательным грифом «Секретно» (при публикации общая стереотипная «шапка» и гриф опускаются). Обычно эти оперативные сводки имели такую типовую схему: «1. Наименование инкриминируемого

произведения печати. 2. Автор. 3. Редактор. 4. Фамилия цензора, произведшего вмешательство. 5. Мотивы вмешательства (вычерки или конфискации). 6. Принятые меры». Сводки-отчеты распределялись, с одной стороны, на разделы «Предварительный контроль» (то есть цензурный просмотр произведения в рукописном виде) и «Последующий контроль» (на уровне версток и гранок, вторично поступавших на цензурный просмотр), с другой — на разделы «Нарушения военно-экономического перечня секретных сведений. Литера А» и «Важнейшие вычерки предварительной цензуры и обнаруженные на последующем контроле нарушения политико-идеологического характера. Литера Б».

Под литерой «А» подразумевался первый раздел основного документа, которым руководствовались цензоры, — «Перечня сведений, запрещенных к публикации», содержавшего «военные тайны». Начав выходить с 1927 года, он периодически обновлялся: последний такой документ вышел в 1987 году. В ежедекадных сводках Леноблгорлита сведения о «нарушениях» этого раздела «Перечня...» занимали львиную долю и уже к середине 30-х годов приобрели вполне абсурдистский характер. Остальные документы почерпнуты из второго раздела ежедекадных цензурных сводок, касавшегося нарушений в печати тайн «политико-идеологических», точнее не тайн, а установок партийного аппарата, менявшихся в те годы с калейдоскопической быстротой. Волны террора, следовавшие одна за другой, лихорадили работу издательств, журналов и газет, и, естественно, цензоров; масса уже подготовленных и сверстанных книг и журнальных публикаций была зап-

решена в последний момент (иногда — конфисковывалась и изымалась из библиотек и книготорговых организаций уже после выхода в свет по особым проскрипционным спискам Главлита). Цензоры не успевали объявлять «нелицами», если вспомнить термин, применявшийся чиновниками поразительно похожего на «наш Главлит» «Министерства правды» в романе Джорджа Оруэлла «1984», авторов, причисленных к «врагам народа».

Пик цензурных репрессий приходится на годы Большого террора, когда запуганные и терроризируемые «компетентными органами» чиновники Главлита и его местных отделений впадали, употребляя термин академика И. П. Павлова, в «парадоксальное состояние». Им всюду мерещился затаившийся враг, проникший на страницы литературы и печати. Многие претензии цензуры выглядят сейчас полнейшим курьезом, но тогда их «виновникам» было явно не до смеха: цензурные инстанции тотчас же передавали сведения о них в органы НКВД «для принятия мер».

Обратим внимание еще на одну особенность публикуемых документов: для цензоров нет «важного» и «неважного». И академический труд, и лирическое стихотворение, и пустячная заметка в какой-нибудь фабрично-заводской «многотиражке» на цензурных весах одинаковы: они в равной мере могли нанести вред незамутненному читательскому сознанию и нарушить гармонию единомыслия. Ко всем произведениям печатного станка цензоры относились с убийственной серьезностью, и не только в метафорическом смысле, а в самом прямом, ибо вслед за цензурными репрессиями — и они прекрасно об этом знали! — очень часто следовали «оргвыводы» истребительных инстанций. Следует учесть также, что в то время в главлитовские инстанции поступали профильтрованные тексты, уже прошедшие самоцензуру авторов и, что еще более существенно, цензуру редакторскую.

Хранятся публикуемые документы в Центральном государственном архиве историко-политических документов: (ЦГА ИПД — бывший Ленинградский партийный архив), фонд 24, опись 2-в (секретная). В этой публикации далее указываются только номера дел и листов. Кроме того, в примечаниях использованы документы из фондов Леноблгорлита, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге (ЦГАЛИ СПб).

1–10 января

Последующий контроль. Газета «Северо-Западный вестник», № 1, от 1 января. На 1-й полосе помещено клише — рисунок, символически изображающий наступление нового 1937 года. На клише помещены две фигуры (летчик и летчица), держащие в руках заштрихованное знамя, у древка которого изображена мертвая голова т. Сталина.

Портреты производства Полиграфкомбината. Портрет т. Сталина. Лицо затемнено. Плечи в разных планах (правое — неверно). Предложено переделать.

Портрет т. Ворошилова — неправильная расстановка глаз. Запрещен. Портрет т. Блюхера — халтура.

Д. 2295. Л.42, 53.

30 января

Леноблгорлит В Ленинградский Горком ВКП(б)

Направляю вам несколько вычерков из фабрично-заводских газет за январь 1937 года в связи с процессом над фашистской бандой, характеризующих, что и в других газетах возможны аналогичные ошибки, контррево-

люционные «опечатки», политически вредные формулировки и статьи.

Желательно было бы создать группу редакторов и обсудить политически неверный материал, печатающийся в газетах.

Начальник Леноблгорлита (Чекавый).

Газета «Рычаг», завод № 23, № 5 за 24 января.

Первый абзац статьи «Изменники родины» начинался так: «С глубоким возмущением встретили рабочие, ИТР и служащие нашего завода сообщение прокуратуры об окончании следствия по делу троцкистского центра». Получается, что рабочие возмущены не злодеяниями фашистских бандитов, а тем, что окончено следствие и опубликовано сообщение прокуратуры о привлечении их к суду. — Цензором абзац снят.

В газете «Советский объектив», № 10, вместо — «Мы требуем уничтожить троцкистскую нечисть» — «Мы требуем уничтожить троцкистскую печать». Предупреждены соответствующие органы о выявлении виновника. — Газета задержана и исправлена.

Газета «Цементник», № 2, от 17 января.

Дается фотография т. Кагановича, рядом с которой следующий заголовок: «Резолюций много, а толку мало». Сочетание клише и заголовка дает возможность вредно истолковать указания т. Кагановича.

Газета «Пищевой гигант». Орган «Пищекombината».

Пыталась опубликовать материалы о случаях воровства и хищений (кур, студня и тому подобного) под названием «Враги народа», совершенно произвольно характеризую действия этих рабочих, как действия врагов народа. Приводится масса примеров, фамилии расхитителей, способы кражи и так далее. Все эти абзацы создают впечатление, что все или большинство рабочих комбината — воры, а это неверно. — Снято.

Газета «Красный деревообделочник», № 3, от 27 января.

В стихотворении «Приказчики из фирмы Гестапо» встречаются следующие строчки:

«Они Мироньча убили:

Работали изменщики не зря...»
— Последняя строчка исправлена.

Газета «Володарка» (Швейная фабрика). № 7, от 29 января.

В заметке «невиданные в истории подлещи» было написано: «Просчитались наемные убийцы Троцкого — Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников, и им подобные...» Кого же убивали эти убийцы? Получается явная контрреволюционная формулировка, что они убили Троцкого, тогда как сам Троцкий убийца, главарь этой фашистской банды. — Переработано.

Газета «Крестьянская правда» (Лужский район). № 17, 21. I.

На клише, на котором изображен В. И. Ленин среди красногвардейцев, увешанных ручными гранатами и пулеметными лентами, была дана подпись, искажающая действительное положение вещей: «В. И. Ленин отправляет агитаторов в деревню». — Снято.

Д. 2295. Л. 50, 57, 70.

10–20 февраля

«Стахановец канонерки» (Канонерский завод. Многотиражка).

7. II. 1937 г.

На развороте дана шапка из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву»:

«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья».

Получается, что звезда счастья еще не взошла. Налицо факт неумелого использования выдержки из стихотворения Пушкина, помещение которого в виде шапки является контрреволюционным. Шапка снята².

Д. 2295. Л. 173.

10–20 марта

Предварительный контроль. Газета «Лесной порт», № 2 от 8. I. 1937. В статье «Что творится в ремонтном цехе» снято выражение, что среди рабочих процветает антисемитизм, так как в доказательство не приводится ни одного случая. Как обвинение, не подтвержденное ни одним фактом, было цензором снято.

Газета «Монтажник» — завод «Гидравлика», от 6. 2. 1937. В заметке «Позорное явление» редакция неверно и безграмотно освещает имевшие у нас случаи антисемитизма: «Товарищеский суд, состоявшийся в мае 1936 г., показал, что в этом доме существует национальная вражда по отношению к евреям и татарам. Суд постановил: Постникову и Пономареву оштрафовать на 10 рублей каждую». Редакция восклицает: «Казалось бы, что после решения суда (штраф в 10 рублей) вражда должна прекратиться? Однако, случилось наоборот». Статья была переделана³.

Д. 2295. Л. 137–138.

1–10 апреля

Предварительный контроль. Газета «Профилактик» (2-й Медицинский институт), от 8 апреля. Редактор Белянин. Цензор Лесохин.

В газете была помещена статья группы работников кафедры психиатрии «Обсуждать методику работы», суть которой сводится к тому, что при демонстрации душевного больного надо до минимума свести применение общественно-политических вопросов, заменив их вопросами бытовыми, профессиональными и так далее. Как

указано в статье, вызывается это тем, что душевнобольные на общественно-политические вопросы отвечают антисоветскими высказываниями.

Отсюда может быть только один контрреволюционный вывод, что эти больные (или, по крайней мере, большинство из них) заболели из-за Советской власти.

Цензором дано указание статью переделать.
Д. 2296. Л. 22.

14 октября

Леноблгорлит. Секретно

Особому отделу Ленинградского Обкома ВКП(б) Материалы о вредительстве в печати (по газетам и журналам Ленинграда)

<...> Особенно широкое распространение за последнее время получили опечатки, причем опечатки эти, в значительной своей части, отличаются от обычных опечаток, тем, что они искажают смысл фразы в антисоветском духе. «Опечатки» берут начало в типографии, но бывает, что первоисточником контрреволюционных вылазок в виде «опечаток», искажения цитат, фото и прямой вражеской пропаганды являются и редакции. Враги плодили антисоветские опечатки, продельвая всякие гнусности, используя газету, как трибуну для антисоветской агитации.

Техника опечаток такова: вражеская рука выбрасывает целые строки, заменяются целые слова... и тогда заголовку или тексту придается гнусный контрреволюционный смысл.

Например, в газете «Спартак» была дана такая «опечатка»: «...мелкий тоскливый вождь сеял над зеркальным прудом стадиона» — вместо дождь. Природа всех этих, с позволения сказать, «опечаток» совершенно ясна. Всё это делается с определенным умыслом — грубо извратить смысл в контрреволюционном духе. И эти подлые ухищрения газетных вредителей иногда удаются благодаря беспечности некоторых редакторов и работников цензуры.

Д. 2294. Л. 91–92.

20–31 сентября

Николай Браун. Книга стихов. Издательство «Советский писатель». Цензор А. Семенов.

На предварительной цензуре снято 4 стихотворения. Например, «Друзьям» — послание к ним о будущей встрече с ними, когда «пройдут наши тяжелые годы». Стихотворение давнишнее и сейчас звучит двусмысленно. «На другой день» — стихотворение из цикла о Маяковском. Рядом с Маяковским поставлен Пастернак, как товарищ и близкий Маяковскому⁴.

Д. 2297. Л. 135.

20–31 октября

«Литературный современник». № 10. Журнал задержан из-за перевода стихотворения Б. Лившицем, арестованного к моменту выхода сборника⁵.

Д. 2294. Л. 30.

20–31 декабря

Журнал «Литературный современник». № 1.

На предварительном контроле из номера журнала снят плач Карташовой Анны Николаевны по Ленину. Плач по своему художественному уровню не только примитивен, но в политическом отношении неправилен. Например:

«Как мы все сволновались,
Что потеряли потеряшечку,
Да обронили оброняшечку,

Да оброняшечку немаленьку...»
и в конце:
«Как мы будем жить без Ленина?» Снято.

Журнал «Советская этнография», № 1–2, 1937 г. Издание Академии наук СССР.

На страницах журнала в отделе «Хроника» в статье «1-я Марийская языковедческая конференция» сказано: «По мнению Капитонова, слово «Революция» на марийском языке — это качым мундранымаш, то есть «народная смута», а диктатура — чот нентыден кучумаш, то есть «крепкое держание». Эта политически вредная практика перевода слов на марийский язык была применена националистом Васильевым, который слово «коммунист» переводит как пармызе («кучкист») а ячейку ВКП(б) как «изпармызе тушка», то есть «маленькую совместную кучку». Таким образом, журнал предоставляет трибуну клеветническим выпадам врагам народа против диктатуры пролетариата и ВКП(б).

Васильев арестован как враг народа.
Д. 2861. Л. 51, 67.

Сплошное чтение даже немногих публикуемых документов из бюллетеней Главлита может вызвать ощущение сюрреалистического абсурда. Мелочность и придирчивость цензуры очень часто не вызывалась «опасностью» текста, вовсе не претендовавшего на подрыв устоев. Но в том-то

все и дело, что тоталитарная цензура не делала различия между главным и неглавным, существенным и несущественным. На ее цензурных весах одинаковы и действительно криминальный «антисоветский» текст и пустячная опечатка в кроссворде или курьезный полуграмотный оборот фразы при переводе. Главная задача — устрашение всех пишущих, порождение тотального страха, полной неуверенности авторов, тщетно пытающихся угадать желания власти и тем самым обезопасить себя. Можно вывести закономерность тоталитарной цензуры: для нее важнее сам факт запрещения, чем содержание запрещаемого текста. Другими словами — репрессия как таковая (это касается и массового физического уничтожения людей) имеет в ее глазах самодовлеющую ценность.

Выявленные цензурные «огрехи», зафиксированные в бюллетенях, становились затем материалом для обвинения авторов в антисоветской деятельности и входили в «состав преступления». Главлитовские инстанции, всегда работавшие рука об руку с органами тайной политической полиции, неизменно сигнализировали о наиболее «враждебных вылазках» в печати, что влекло за собой «оргвыводы»: физическую расправу с журналистами, учеными, писателями. Только в Ленинграде была уничтожена в годы Большого террора треть писательской организации. Великий английский поэт и мыслитель XVII века Джон Милтон говорил, что «убить хорошую книгу все равно, что убить человека». И там, где начинают с уничтожения книги, неизменно заканчивают убийством человека. Такова печальная логика истории...

¹ Гуль Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк, 1973. С. 196.

² Этот документ уже был однажды опубликован автором и подробно прокомментирован в статье «Снять контрреволюционную шапку...» (Пушкин и ленинградская цензура 1937 г.) // Звезда. 1997. № 2. С. 209–216.

³ В отличие от 1920-х годов, когда вышло более 40 книг, разоблачивших проявления антисемитизма, в 1930-е началась и продолжалась полувековая полоса полного замалчивания этой темы. Цензурой запрещаются в это время даже сугубо исторические труды, в которых упоминаются еврейские погромы даже в дореволюционное время. Подробнее об этом см.: Блюм А. В. «Еврейский вопрос под советской цензурой» (СПб., 1996).

⁴ Браун Николай Леопольдович (1902–1975) — ленинградский поэт. Внимание цензора привлекло, по-видимому, и такое четверостишие в стихотворении «Друзьям» (1934):

*Идем и тычемся — кроты!
Дугой — пророки — горбимся!
Жрецы куриной слепоты,
Подножной травкой красоты,
Поджав копытца, кормимся!*

Это стихотворение позднее изредка все же перепечатывалось и даже вошло в двухтомное «Избранное» Н. Брауна (Л., 1972). Второе инкриминируемое ему цензором стихотворение — «На другой день», вошедшее в цикл «Четыре эпизода из воспоминаний о смерти Маяковского» и опубликованное впервые в ленинградском коллективном сборнике «Маяковскому» (1931) — последний раз печаталось в 1935 году (книга стихотворений «Поединок»). В глазах цензора образ канонизированного властью поэта, которого, по словам Пастернака, в 1930-е годы она насильственно насаждала «как картофель при Екатерине», никак не сочетался с таким своевольным и «неуправляемым» поэтом, каким был в глазах официального режима Пастернак, тем более что он назван Брауном «побратимом» Маяковского.

Позднее стихотворение «На другой день» не входило в сборники Брауна, не вошло оно и в двухтомное «Избранное» 1972 года. Тогда уже по другой причине: вено было как можно меньше упоминать имя Пастернака — в связи с публикацией в 1958 году за рубежом «Доктора Живаго» и скандалом вокруг полученной им Нобелевской премии.

⁵ Лившиц Бенедикт Константинович (1888–1939) — поэт, автор до сих пор непревзойденных переводов французских «проклятых» поэтов (Рембо, Малларме, Верлена и других). Арестован в 1937 году, умер в лагере 15 мая 1939 года. Номер журнала вышел с большим опозданием; перевод Б. Лившица в нем, конечно, отсутствует. Бенедикт Лившиц — автор интереснейших мемуаров «Полутороглазый стрелец», вышедших впервые в Ленинграде в 1933 году, причем с большими цензурными осложнениями. Главлит обратил внимание на просчет ленинградской цензуры, выпустившей книгу, отличавшуюся «несомненно формалистическими установками автора <...> и только тот факт, что книга уже отпечатана, заставило Главлит все же пойти на ее разрешение, обязав издательство («Издательство писателей в Ленинграде». — А. Б.) снабдить ее предисловием, резко противостоящим формалистической концепции Б. Лившица» (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 10. Д. 582. Л. 5). За последние 7 лет вышло в свет три различных изданий «Полутороглазого стрелца». Об уровне «гласности» даже под самый занавес «перестройки» можно судить по тому, что во вступительной статье к ленинградскому изданию 1989 года ни слова не говорилось об аресте поэта. Вместо этого мы встречаем такой привычный для того времени эвфемизм: «Трагическая гибель в 1938 году (ошибка — в 1939-м. — А. Б.) погрузила его имя в полузабвение» (с. 35).